

ХОРХЕ КАРРЕРА АНДРАДЕ

Место происхождения

С испанского *

Гроза

На круп холма
луч, небесный кузнец,
ставит печать клейма.

С самой высокой точки
катит гром
полную бочку.

Подпоясывается
семицветным кушаком
небо после дождя.

Деревня

Остов дилижанса утонул в бурьяне.
Даже на закате вишня пахнет ранью.
Клонит бор сосновый в сон на косогоре.
Сладко вязнет слово в чинном разговоре.
Кумовья толкуют, сидя на приступке:
вспыхивают дружно глиняные трубки.
А лощина, словно в золотой затоке,
утопает в грусти, в звездах и осоке.

Пес лизнул в ладони... Никуда не деться —
здесь впадает сердце в забытье и в детство.
Ослик колокольцем звякнул, как бывало.
На душе светильня мягко замерцала.
Словно сын заблудший, я вхожу в деревню,
прикасясь сердцем к шелесту деревьев.
Сколько раз под этой позабытой ивой
голубое небо я вдыхал, счастливый...

---

* ХОРХЕ КАРРЕРА АНДРАДЕ — Место происхождения (*Стихи. Перевод с испанского О. Савича, С. Гончаренко*) // Каррера Андраде Х. *Инвентарь мира* (М.: Художественная литература, 1977), 11–92.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2009.
<http://imwerden.de>

Прячут птичий щебет голубые травы,
а тревожный запах травяной державы
стискивает горло... Шаг — и задохнусь...
Детская влюбленность, зори и закаты,
ослик с колокольцем и щенок мохнатый,
в светлую обитель снова к вам прошусь.

Философия дыма

Под книжной обложкой розарий таится:
цветут за высокой оградой страницы,
но тронешь калитку — она отворится.

А роза над плесом — бокал из рубина,
где запах свернулся упругой пружиной,
готовый пролиться на след лебединый.

Огонь же — душа или самосожженье
звезды, посвященной огнем в голошенье
сердец, потерпевших ночное крушенье.

Пусть книга крылата, да коротки крылья:
закрыли страницу — и книгу забыли,
отдав на съедение моли и пыли.

Пусть розы бокал разобьется о ветер,
но дымное пламя, задутое смертью,
уходит на небо, как мертвые дети.

Зажжем нашу муку огнем негасимым!
Быть может, затем наши дни и даны нам,
чтоб в небе растаять задумчивым дымом.

Дверь, распахнутая в деревья

Летний сад разморило. Млеет воздух медовый.
Ливень листьев нахлынул на плетень по соседству.
И зажившую память оцарапала снова
перепелка, взлетая из-под дерева в детство.

Это все уже было. И тропа у ограды,
и зыбучая заводь этой зелени мгlistой.
Кто же шепчет сегодня в чаще старого сада
слово, чувственной дрожью охватившее листья?

Это все уже было. Дверь открыта в деревья.
И твой голос над книгой замирает и льется...
И такая разверзлась тишина над деревней,
что пронзительно слышен каждый всплеск из колодца.

Подруги прогулки

Хорошие подруги — ивы
в часы прогулки одинокой:
грустят, трепещут, вспоминают, —
так души ждут удара рока.

Воды задумчиво касаясь,
едва, как тени, зеленеют,
и сердце падающей птицей
щежит в полете и слабеет.

Их шелест — шелест ног и шелка,
вода не только сну внимает,
их клонит долу тень Биона,
и флейту снова вспоминают.

Печальный запах ветру дарят,
а жизни — привкус буколический;
в зеленое молчанье прячут
далекий шум речей лирических.

И так нас ивы убеждают
в час одинокого гулянья,
что сладко, радостно и больно
дать сердце ветру в обладанье.

Ночное пенье

В час, когда запирают все засовы в селенье
и лишь племя кошачье рыщет в клетях по-лисьи,
затеваюсь в доме поминальное пенье,
и осеннее сердце сыплет мертвые листья.

Голосами ушедших тихо шепчутся вещи;
под шагами усопших голоса половницы...
Бормотание книги, полусонной и вещей,
замирающим ливнем заливает ресницы.

А свеча все лепечет сокровенное слово,
и сверчок, упоенный партитурой плакучей,
не затихнет, покуда не протиснется снова
сквозь замочную скважину солнечный лучик.

Чудо

Пятидесятница — говорящие страницы,
душистый девичий веноч,
клетка с распахнутой дверцей,
откуда выпархивают птицы-слова,
корзинка, на дне которой
притаилось яблоком спелое сердце —
на десерт чьей-то жизни.

Книга, творящая чудо пяти хлебов
перед изумленной толпой;
книга, способная пройти босиком
по волнующемуся морю;
бумажный кораблик,
груженный звездами и песней цикад,
который причалит к чьему-нибудь сердцу.

Книга-ласточка, которая оповестит
о моей весне книжные полки;
гнездо посреди цветущего луга —
скоро из него вылетят птенцы
и защечечут под куполом полдня;
открытое море,
по которому трепетный парус души
влечет корабль моего тела.

У этой книги мои глаза,
мой лоб напоминает очертанья ее морей.
Видите, маловеры?
Вот вам чудо святого Дионисия:
я держу ее в ладонях —
мою отрубленную голову.

Письмо Франсису Жамму

Толкуя с журавлихой, щеглихой и голубкой,
Франсис, наверно, нынче ты куришь в небе трубку,
которую, бывало, любили прятать дети,
когда ты отправлялся из дома на рассвете
за раками... И держит создатель удивленный
твое большое сердце, как боровик ядреный,
на ласковой ладони... Скажи, ты так же веришь,
что жизнь щедра, как в доме распахнутые двери?
...Недавно Амарилью я повстречал с кувшином.
Был взгляд ее печальным, но все таким же синим.
А это, слышишь, флейтой пастух балует ранний,
и жизнь — ты прав, дружище, — светлей воды в стакане.
А как у вас с дождями? Пожалуй, сам всевышний
следит, чтоб суховеет в раю не выжгло вишни.
Но, башмаки надевши, ты усмехнулся что-то...
Видать, на небе те же крестьянские заботы.
Хоть изредка пиши мне! Я так заждался вести.
Вон твой почтовый ящик — та птица в поднебесье.

Стенной шкаф

Как состарился шкаф в отчем доме моем!
Покосился косяк. И скрипучие двери
древоточцем просверлены в каждом углу,
словно дробью стреляли в упор по фанере.
Недовольно ворчит он сквозь старческий сон
на детишек, в игре расшалившихся рядом.
Он не помнит, как пахнет варенье из груш
и как сам он по праздникам пах виноградом.
Нынче пусто на полках. И только когда
канарейка зайдет лирической трелью,
просыпается прошлое в нем, шевелясь
и вздыхая во мгле за облупленной дверью.
В этот час вспоминает он всем существом —
от резного карниза до нижней задвижки, —
как вникали за старым сосновым столом
мы с сестрой по слогам в содержание книжки.
И потом, цепenea под взглядом свечи,
он припомнит то утро, когда удивленно
улетела душа ее в это окно
на звезду, где влюбленную ищет влюбленный.

Плохое настроение

Чистое небо взявши в кавычки,
трубы на крышах ведут переключку.
Тянут своими черными горлами
арию отчего крова над городом,
в сопровожденье ножа и шумовки,
пенья сверчка и шипенья духовки,
жалобы двери, взвизгнувшей жалко,
скрипа протертого кресла-качалки.

Черные жерла оцепенели:
держат небесную синь на прицеле.
Залпы клубятся над черепицей:
трубы беззвучно стреляют по птицам.
Трубы печные, в тучи взлетите!
Что вам земля, человечья обитель!
Души поэтов тоже как печи,
только поют они по-человечьи.
Видите —
слово сажай ложится
на белизну непечатой страницы.

Ветреный ветер

Говорить как листья языком зеленым,
подражая птице, а не книжке квелой,
обучает ветер, старикан веселый,
прозванный в деревне доном Ветрогоном.

Он и впрямь, пожалуй, сумасбродит слишком:
бродит в мокрых травах на рассвете, словно
в луговине ищет колдовское слово,
в ельнике бормочет заклинанья шишкам.

Он и впрямь, пожалуй, поступает странно:
свищет у колодца и гремит по ведрам,
а потом читает проповеди ветлам,
заставляя листья распевать осанны.

Но когда запахнет тучей с небосклона,
он тревожной веткой барабанит в крышу,
и кричат крестьяне, этот стук слыша:
«Люди! Привечайте дона Ветрогона!»

Ребячий декабрь

Белый передник напялил декабрь
и принимается наскоро стряпать.
В окнах развел негасимый огонь,
сыплет мукой
на тягучую слякоть.
Щедро кладет ледяной виноград
прямо в стеклянные лужи-подносы
и веселящуюся детвору
праздником, словно сладостями,
обносит.

Пар изо рта — будто пар над плитой.
Иней на камне — как соли щепотка.
Жесть водостока под градом шипит,
словно на сильном огне сковородка.

Распятие

Вечные птицы вписаны в вечер
вестью крылатой.
Уксусом жжет пересохшие губы
губка заката.

Я на кресте тишины ненавистной
висну, распятый.

Дым от костра... И я вижу сквозь пламя:
лик материнский заплакан...
С памятью в карты режется память,
память поставлена на кон.

Женщина летом

Твое тело вылеплено из фруктов,
ты персиками пахнешь ночью.

Твой поцелуй проходит через губы к сердцу,
как струя воды, когда чист источник.

Как под дуновеньем ветра клевер на поле,
под лаской твоей дрожит моя кожа.

Ты вся как фруктовая ваза,
она у губ моих с берегом схожа.

Вечерний праздник

Когда бьет шесть часов, даже свет веселеет.
Языками огня он приходит в квартиры,
возвещает он людям явленье господне
в цветении супа и в молчании мира.

Закрывают окна, открывают буфеты,
опрокидывают на скатерть с хлебом корзинку,
и дети, усевшись за стол домашний,
видят кресло отца и крылья на спинке.

Суповая миска служит паром обедню,
ложка будущий сон разливает детям;
и как искренне дети сравнивают с луною
те пол-апельсина, что дают им на третье.

Когда бьет шесть часов, между рамами в окнах
чь-то сердце сияет розовым светом.
Бьет крылами молчанье вокруг свечей неподвижных,
и вещает господь в глубине буфетов.

Тетушка Исолина

Тетя Исолина, яблочный румянец.
Тетя Исолина, стройная, как ель,
моет пол на кухне, и сверкает глянец,
словно хлынул в окна водолей-апрель.

Тетя Исолина, сахарные руки.
Тетя Исолина, сладкий говорок.
Тетя Исолина вся в муке и луке —
значит, нынче будет праздничный пирог.

Нету феи лучше тети Исолины.
Тетушка с рассвета в кухне ворожит:
мастерит компоты или сушит дыни
и слезой похлебку тайно солонит.

Полный таз варенья, молоко в бидоне...
Тетя Исолина, фея детворы.
Помню, как сегодня: теплые ладони,
пахнущие дыней, гладят нам вихры.

Кожаный сундук

В обтянутом кожей сундуке,
под стражей нафталина,
две распашонки брата.
Проеденная крысой древесина.
Фамильное зеркало,
озирающееся лунатическим взглядом.
Мамин бант.
Карты, мудрые, как фолиант,
лоснящиеся сальным лоском.
Рядышком —
яблоко, вылепленное из воска
руками полуслепой прабабушки.

Затхлым запахом стал сундук,
а этот запах — бродячий дух.

Под вечер сгорбленные тени
выскальзывают из зеркала,
рассыпая по комнате drobный топот.
А потом
падают на колени, когда за окном
пастушья звезда осеняет тополь.

Книга нежности

На стеклянной странице, в переплете оконном,
причастился росой влажный лист краснотала,
и причудилась вечность вечеряющим копнам,
и причудлив кустарник, словно ветка коралла.

Загустела округа, как смола на распиле,
над колодцем заплакал по-младенчески ворот...
Может, за поворотом той тропинки Вергилий
повстречался сегодня с улыбкой Тагора.

Как обряд очищенья я закат принимаю
и щемящую нежность пью из чаши оконной,
где на исповедь вышла луговина немая
и задумалась ива над загадкой зеленой.

Время озаренных окон

Звон колокольный льется над полем,
плачет вечерня неутешимо.
Набожный ужин, млея на блюде,
перекрестился струйками дыма.
Ангельский голубь тихой округи,
крылья сложивши, сел на камине.
Красное солнце на горизонте —
словно румяный плод на витрине.

Красное солнце в перьях заката
плавно меняет цвет оперенья.
Чую всей кожей, замороженный,
розовых крыльев прикосновенье.
Как же случилось, что не согреться
мне у камина милого сердца?
В окнах и в поле стынет свеченье.
Неутешимо плачет вечерня.

Сигналы

Как дверца узенькая, зеркало
ведет в загадочность кристалла:
за светом ледяным немеркнущим
внимательные ждут сигнала.

Посланье из другой вселенной
в глуби зеркальной открывается,
блеснет кометою мгновенной,
и глаз, ослепнув, сомневается.

Брильянтами сияет черными,
купаясь в свете неизвестном,
сигнал живущих по ту сторону
от нашей жизни в мире тесном.

И ловит неводом лучистым
фигуры, символы и линии
то зеркало со светом чистым,
хранилище предметов синее.

Глаз караулит, глаз впивается,
за перспективой ждет движения,
но в цвет дневной он упирается
лишь — в ироничном отраженье.

И слух охотничьею сукой
подстерегает дичь украдкою,
но ловит только призрак звука,
скрепленный, как пером, догадкою.

Душа, расстанься с оболочкою,
и глубь зеркальную мгновенно
прочертит лопнувшю почкою
послание другой вселенной.

Часы

Маятник — времени каменотес,
даром что маленький.

Ночью врубается в черный утес
труженик-маятник.

Тянет лаванда с комодного дна
ноту знакомую.

Нервно косясь на часы, тишина
бродит по комнате.

Лестница

Сном деревянным ступени сморило.
Лестнице снятся прямые перила.

Перебирает ночь половицы,
словно случайной книги страницы.

Тихо крадутся поздние гости:
краплёные карты, фальшивые кости.

Мечутся тени в мертвенном свете.
Эти пролеты мечены смертью.

Брошены кости. И воровато
масляным взглядом смотрит лампада.

Вдруг за скрипела лестница жалко
скрипом полуночного катафалка.

Стонут ступени, корчась под игом
тьмы, начиненной бранью и криком.

Ровно час ночи

Колокольня во мгле — корабельная мачта.
И плывет одинокий удар,
как утопленник в черном затоне маяча.

Аспид ночи пометив неконченной фразой,
утонул одинокий удар...
Стекленеют глазами дома-водолазы.

Эхо выбросило на скалу колокольни
из воды одинокий удар, —
и залаяли псы, будто рядом — покойник.

Пять колониальных полотен

I

Постоялый двор

На том столе, где хлебы и бутылки,
есть живописный центр — гора плодов;
как две звезды, облили две коптилки
жаркое из ягненка светом снов.

А в вазе — виноград, видны прожилки,
и апельсины — лета дальний зов,
и фиги, те же цветом, что бутылки,
где пленное вино поет без слов.

И четверо мужчин, румяны щеки,
жаркое режут, ищут в кубках дно,
а мясо красное в крови и соке.

И лиловатый отблеск льет вино
на хлеб, на скатерть, на фарфор высокий,
на холст в углу, где все затемнено.

II

Экспедиция в страну Корицы

Тысячерукий лес закрыт для света;
людей в своем объёме крепко сжал он
и вечного не выдает секрета,
не уступая шпагам и кинжалам.

Здесь орхидея, попугай — примета
какой-то дикой жизни под началом
царицы тропиков и злого лета —
змеи, что скипетр заменила жалом.

Ужели распростерся здесь Гонсало
Писарро — конь подушкой под плечами,
и желтое лицо, как смерть, устало.

А лихорадка влажными руками
уж сто солдат в могилу побросала.
Так побеждает лес и сталь и знамя.

III

Вечнозеленый Кито

Идет на пользу свежесть горных кряжей
поющим пленникам-колоколам,
индейцам с овощами для продажи,
дрова несущим на спине ослам.

На лицах кротость, благодушие даже,
хотя б спешили люди по делам,
и башни светлые стоят на страже:
надменность с благородством пополам.

Здесь солнце доброе, как хлеб горячий,
струится жидким золотом, пока
не хлынет дождь иль ночь его не спрячет.

Под сенью дождевого колпака
мечтает Кито, что плывет к удаче,
что он — ковчег, а море — облака.

IV

АГАВА

Высокой сьерры страж вооруженный,
посевов покровитель и скота,
она еще — кувшин необожженный
с небесным медом в синеве листа.

На высоте рукою напряженной
с зеленым ногтем на концах куста
не может удержать изнеможенно
бродячих туч, где влага так густа.

Мечтает чудище с душою нежной,
чтоб жизнь его окончилась костром
и синий дым стал вечностью безбрежной.

На быстром солнце как щиты с гербом,
где шпаги — с ржавчиною неизбежной,
ограда из агав хранит мой дом.

V

ПОРТРЕТ ИСПАНЦА САНТЯГО КАРРЕРЫ

Глаза за нами следуют, блистая,
из-под бровей, как хищных два зверька,
и в них мерцает нежность золотая
под отблеском смертельного клинка.

Луна и зеркало — броня простая —
сраженья отражали, как река;
и о любви и храбрости сухая
и длинная нам говорит рука.

Друг вице-короля и капитан Кастильи,
индейцев защищал он шпагой боевой,
но в жизни, прожитой в колониальном стиле,

стал эшафот последнею главой,
и клетку целый день по площади носили
с его отрубленною головой.

Весна и компания

Веселой обновой весенний миндаль
встречает причастье. Над крашеной лавкой
пищит воробей, рекламируя травку
и синюю даль.

Идет распродажа весеннего снега:
пушистыми хлопьями сыплется с неба
и застит глаза тополиная мгла.

А струи дождя — как тростник из стекла...
Ковры расстелились от дома до школы,
и лужа среди луга — зеркальный осколок,
откуда выносит степенную грусть
на розовых ластах задумчивый гусь.

Пусть ливень по листьям стучит на машинке,
итог подводя лепесткам и тычинкам,
но ночью на грядках горят светляки:
горят подоженные вишни и розы,
каменной самоцветных летучая россыпь.

Деревья — как отблески факельных шествий.
И кто бы подумал, что так недалек
тот месяц, когда опечатают жестью
плоды этих буйств, консервируя впрок,
и роща, за яром рыжея по-лисьи,
печаль спеленает в паленные листья.

Апрель — водяной хмель

Время, когда сердце хотело б скакать разутым,
как у девочки, грудь вырастает у дерева,
а нас охватывает страсть писать наши вещи
ласточкиными перьями.

Эти лужи — будто бокалы с чистой водою,
ее взмах крыла или травинка морщинит,
и как синий прилив этот воздух стеклянный,
где лодочка насекомого медленно стынет.

Вода с удовольствием сандалями шлепает,
москиты просеивают молчанье природы,
и воробьи подбирают клювом жемчужину
хорошей погоды.

Жизнь кузнечика

На зеленых своих костылях,
инвалид с сотворения мира,
странствует он в полях.

С пяти начиная,
Млечный Путь над ним протекает
и кувшинчик его наполняет.

Труженик, своими антеннами
в реках воздуха занят он
рыбной ловлею неизменною.

Нелюдим, зажигает он ночью
в травяном своем доме
пенья скромного огонечек.

Свернувшись живым листком до зари,
он музыку мира хранит,
записанную внутри.

Утренние новости

Уснул под утро летний ливень,
прибив к земле листки редиса,
и разморенная капуста
лоснится, словно аббатиса.

В мое окно впорхнула птаха
и мне протенькала про это.
И, как всегда, не обманула
меня пернатая газета.

Твоя любовь что кожа яблок

Твоя любовь что робкое прикосновенье
ребяческой щеки,

что кожа яблок
или с пасхальными орехами корзинка,

что трудные шаги
в той комнате, где умирала мать,

что дом в лесу,
верней — что бодрствующий плач в ночи.

Жизненное совершенство

Кролик, мой бедный брат, учитель мой и философ,
ты мне жизнью своей преподавал урок смиренья:
ты в одиночестве ищешь золотую россыпь,
что тебе вечное вселенной круговращенье!

Мудрости маленький, скромный и тихий искатель,
листаешь, как книгу, влажно-сладкую капусту,
следишь за маневрами ласточек на параде,
как святой Симеон из зеленой кельи, без грусти.

Попроси бога дать тебе огород небесный,
огород с кристаллической капустой во славе,
фонтан сладкой воды для морды твоей прелестной,
и пусть над водою голубки полет свой правят.

В святости совершенной ты живешь рядом с нами;
коснется тебя святого Франциска вервие
в день твоей смерти. Длинными твоими ушами
детские души будут в небе играть, поверь мне!

Песня о яблоке

В миниатюре — вечер в небе,
зеленый, желтый, темно-красный,
и звезды, сахарные будто,
и тучки, словно из атласа, —

вот яблоко с упругой грудью,
со снежным холодком на ощупь,
с речною сладостью на вкус
и с запахом небесной рощи.

Познания глубокий символ
и вестник с важным сообщением
о притяжении полов
иль о законе тяготенья.

Воспоминанием о рае
у нас в руке оно лежит,
и ангел запаха и вкуса
вкруг неба малого летит.

В горах

Тропы тянутся к звездам. Тянет ветер промозглый
ледяную молитву над базальтовой книгой.
Млечным паром загона пахнет встречное стадо.
По-совиному жутко плачет рог из низины.
В погребках и чуланах вязнут в узких кувшинах
сливки — белые слитки — словно круглые луны.
Скоро выйдет заря, как босая монашка,
на тропу каравана. И в гранитные степи,
будто спелые зерна, посыплются звезды.

Распирает поклажу озорное веселье,
и тюки, как мальчишки, прогулявшие школу,
восседают беспечно на загривке у мула.
Утром мул подкрепится мелкозвездной мукою
и, послушав с вершины деревенскую мессу,
снова двинется с богом по отвесному склону,
глядя чуть виноватым и слезящимся взглядом.

На заброшенной мельнице мечутся тени:
может, ведьмы на шабаш сошлись в мукомольне?
Мы подходим к забору и отчетливо слышим
заговорщицкий шепот вперемежку со смехом.
У костра отдыхает охотничье войско.
Кто-то булькает флягой, кто-то чистит двустволку,
и при крике далекой и невидимой птицы
все спешат осенить себя крестным знаменьем.

Наконец и ночлег. Тишину сеновала
протыкает москита необрывная нота,
паутиною сон налипает на лица,
и скрипят по ступенькам шаги привидений.
Лишь под утро расплавится лунная льдина,
и, разбитая вдребезги лаем и ржаньем,
упадет под забор полуночная мгла.

Но куда не вышла, как босая монашка,
голубая заря на тропу каравана,
все читает молитву над ущельями ветер,
и молочные луны стынут в узких кувшинах,
и сбивается в кучу пугливое стадо,
и кричит по-совиному рог пастуха.

Песня о Черном Континенте

Вечер — как яхта с парусом синим.
Птица — как якорь, впившийся в крышу.
Превозмогая звездную тяжесть,
якорь взмывает выше и выше.

В море выходит синяя яхта.
Сумерки смыли берега очерк.
Ветер в матроске весело правит
к Африке Ночи.

Скоро проступит на горизонте
Африка эта черною глыбой.
Яхта на якорь станет в зените,
где серебрится лунная рыба.

Песенка про пугало

Пугало —
это, в общем,
птицам регулировщик.

Пугало не пускает
птах в огород
из рощи.

Всем на потеху
клоун
пляшет в саду, как в цирке.

Пляшет, покуда ливень
вдруг на него
не цыкнет.

Дразнят паяца птицы,
манят его
дороги...

Только куда
уйдет он —
нищий и одноногий?

Сезон ласточек

I

На ветру загудели,
как зеленое пламя,
птичьи крылья и листья
впережку с лучами.

И лазурь солнцепека
опрокинула лаву,
затопивши прозрачно-
золотую державу.

Нивы — как параллели
золоченого хлеба.
В голубой позолоте
вертикальное небо.

Голубое мычанье
в голубиной отчизне;
здесь не уединенье —
единение с жизнью.

Здесь и птицы и травы,
населившие землю,
принимают в объятья,
поверяя и внемля.

Знай же, птица, что, жажду
утоляя лазурью,
в голубом окоеме
я с тобою зорюю.

Верь мне, лист тополиный,
верьте, листья осоки:
бродят в сердце бродяжьем
ваши буйные соки.

Я сегодня впервые
разглядел ваши лица.
Значит, только сегодня
суждено мне родиться.

II

Ласточка в небе. Прикосновение
к темени поля крохотной тени.

Что она ищет в синем колодце?
Выстрелит в небо... Снова вернется.

Может, депешу где обронила —
ту, что послала озеру нива?

Чиркнет по глади черного плеса
и пронесется мимо откоса.

Кинется в чашу и возвратится,
чтобы промчатся над черепицей.

Вплоть до крушенья листьев и лета
длится круженье ласточки этой.

Вот она взмыла, листик летучий,
путь перерезав ливневой туче.

Реют раскрестьем узкие крылья,
ливни, как нечисть, в ночь отступили.

В синем просторе, милая, странствуй,
преподавая людям пространство.

Посередине синего вала
вычерти счастья инициалы!

III

Селение. Сереющий туман
на площади рядится в дождь сутулый.
Стекает время в каменный фонтан,
которому от скуки сводит скулы.

Вот так и льет с рассвета целый день,
и ни души среди всеобщей хляби.
Вползает лужей в дом сырая лень,
как сонный водоем под мелкой рябью.

Сбывается знаменье. Черный мул
судьбу копытом в глине отпечатал.
И смотрит дождь, печален и сутул:
кому же выпал роковой початок?

На колокольне онемела медь,
но, бедствие пророча, птица стонет.
И то ли кобылица, то ли смерть
нетерпеливо мечется в загоне.

Петух над часовней

Его заря напрасно дразнит:
не может флюгер кукарекать
ни в будни, ни в престольный праздник.

А солнце золотит уголья
и серебрит ручьи, встречая
святую Анну Плодородья.

Лазурь оконная лучится,
блестят алмазные осколки
на красных скатах черепицы.

И входит девочкой босою
в селение святая Анна
с глазами, полными росой.

О, если б крылья распростерла
она ему — и чародейством
озвучила сухое горло!

Но нет такого чародея...
И вот на голубом подворье
он замер, клювом пламенея.

Ему с поста не отлучиться!
В костре звенящей позолоты
горит стоическая птица.

Что толку в этом эльдорадо,
где вместо сочного маиса
лишь ледяные зерна града?

Святую Анну Огорода
встречая, он перемигнется
тайком с лучом громоотвода.

«Святая Анна Спелой Нивы, —
он скажет взглядом, — уведи же
меня в щемящий запах жнива!

И напои росой синей,
святая Анна Луговины,
зыбучий зной моей пустыни.

Тебя, святая, славят в гимне,
тебя встречают, как богиню.
Святая Анна, помоги мне!

Святая Анна, променять бы
на жухлую твою былинку
лазурный рай моей усадьбы».

Тополиная аллея

Вечер в аллее мглился.
Неразличимы лица
у тополиных листьев.

А на границе суши,
перекликаясь глуше,
дремлет дозор лягушек.

В речке вода лучиста,
как из монет искристых
снизанное монисто.

В самой стремнине ловко
продолговатой лодкой
правит луна-молодка.

Всхлипнул ребенок? Или
это в прибрежном иле
звезды заголосили?

Тени родных и милых
скорбно проходят мимо,
тая непоправимо.

Колокольня Мерсед

Между землей и небом —
купол, как остров птичий.
Сверху — молчанье тучи.
Снизу же — смех девичий.

Бьется в груди у башни
сердце из гулкой меди.
Башня горит свечою
в красном закатном свете.

Ливень — под стать стеклянным
или алмазным крыльям.
Грозно венчает купол
молния алым шпилем.

Туче ли голубятня,
ангелу ли скворешня, —
звонница сыплет перья,
словно цветы черешня.

Солнце обучит купол
в небе парить жар-птицей.
Ночью подскажет месяц,
как маяком светиться.

Между землей и небом —
кровля, как остров птичий.
Сверху — безмолвье тучи,
снизу же — смех девичий.

Девушки в белых платьях
улицу смехом будят.
Белыми голубями
просятся в небо груди.

Дерево какао

Шоколадное дерево,
наставник зеленого попугая,
учебник тени
в разгаре мая.
Сгусток звука, эссенция цвета,
который согласно древесному штату
читает округе осоловелой
лекции по аромату.

Сложив ладони, став на колени
под ритуальное пение улья,
ты удостоилось обожествленья.

Зеленый лозунг,
вписанный в ветер,
ты словно повесть о Новом Свете.
Ты пахнешь детством и той гостиной,
где старые ходики капали на пол,
как сок из разрезанного апельсина.

Обещание реки Гуайяс

Ты нескончаема, река Гуайяс,
ты к морю с грузом горизонтов дальних
идешь, и корабли, не напрягаясь,
неспешно сходят с гор твоих хрустальных.

Ты растворяешь даже побратима:
с тобой уходит время по теченью,
и день тропический необратимый
в твоём теченье катится к забвенью.

За годом год, столетья ряд за рядом,
эпохи, поколенья, цвет и тленье
ты провожаешь безразличным взглядом,
о, пастырь берегов и поселений!

Корабль торговли или голой силы,
открытий или авантюры шалой
ты столько раз на землю выносила,
иль в свой плавучий склеп ты помещала.

Смущает твой покой лишь крик испуга,
тобой рожденный, или сновиденья:
растенье под водой иль рыбы-друга
и легкое и тяжкое движенье.

Свое имущество перечисляя,
ты смотришь на волов, именья, гроты;
по одиночествам своим гуляя,
ты в камыши уходишь, как в ворота.

Ты — земледелец, собираешь грязь ты,
чтоб сделать плодородным побережье,
и, на ходули встав, тебя не застят
дома, и сквозь деревья свет твой брезжит.

Свое биенье, сердце с кровью жидкой,
передаешь холмам, полям, и чашам,
и сахарным стеблям, и пережитку
другой эпохи — ящерице спящей.

Свой след на иле ночью оставляет
корсара тень, зарезанного бандой;
протокой лодка синяя ныряет,
вылавливая звезды контрабандой.

Сквозь память одиноко пробегая,
скрываешься, но неизменно длишься;
одна и та же и всегда другая,
сама себя преследуя, ты мчишься.

Псам пены и воды твоей швыряю
свою одежду лживую, чужую,
и в верности тебя я заверяю,
и слову свежести твоей служу я.

О, старшина всех рек! Поток бессменный,
свободный, непрерывный твой походит
на кровь мою, — в ней корабли мгновенно
приходят, и проходят, и уходят.

Погода

Зима. Пророчат все прогнозы
осадки в виде перьев, ибо
линяют ангелы в морозы.

Весна-певунья. Торжествуя,
она на листьях, как на счетах,
считает птичьи поцелуи.

А летом алый плащ заката
взлетит, скрестив над полем крылья,
в которое июль-тореро
вонзит колосья-бандерильи.

Октябрь. Обобрана до нитки,
скорбит и нищенствует нива,
и христарадничает пашня
с поводырем — плакучей ивой.

Гидрографическая поэма

Реки друг друга ищут по свету,
тянутся к морю шеей жирафьей.
Реки на карте — синие струны,
карта — собрание их биографий.

Гидрографический калейдоскоп
проиллюстрирован сменой деревьев.
Радугой перьев по берегам
снится экватор зарослям древним.

Комель корявый, словно в лиане,
в кольцах змеиных с черным отливом.
Пальмы кокосовой смуглое тело.
Пальмы банановой пышная грива.

В чаще, ломящейся от попугаев,
бродит индеец длинноволосый,
бродит босой укротитель москитов
и пожиратель млечных кокосов.

Горные реки в пене погони.
Струи острее шпоры колючей.
В жгучем потоке дыбятся кони.

Мост закорюкой никнет к стремнине.
Здесь индианка каждое утро
воду проносит в узком кувшине.

Перепелиный берег излуки.
Взгляд черепахи каменноглазой.
Мокнет колода золотомойни,
корчится в иле корень чумазый.

Ствол каучука среди поляны
(лестница ловкого аборигена)
прячет под сердцем рваную рану.

Встречная лодка. Паруса шелест.
Груз: семена и груды винтовок.
Правит рулем белокурый пришелец.

Лемех взрезает берег отлогий,
входит железо в землю упруго.
Радуга в небе звонкой подковой
гнется над пашней, чесанной плугом.

Горные реки — каменотесы.
Реки низины — глянec дороги.
Реки в чащобе — миллионеры.
Спустим же на воду наши пироги!

Воскресенье

Фруктовая церковь
в придорожной пыли жизни.
Стеклянные апельсины окон.
Органнeе трубы сахарного тростника.

Ангелочки: цыплята
девы Марии.

Голубоглазые колокольчики
босиком выбегают
в поле.

Солнечные часы.
Ветер — рубаха-парень,
принесший воскресные вести
с холма.

Корзина с овощами
на голове у индианки.

Когда босые колокольчики
выбегают из древесной церкви,
небо закатывает глаза.

Горное селение

Подвешены к балке под самой крышей
початки, сложившие желтые крылья.

В кустах
от солнца стараясь скрыться,
морская свинка свистит, как птица.

На солнцепеке вершины выжженной
ветер без стука врывается в хижины.

На медных спицах лучей текучих
зонтом над холмами
раскрылась туча.

Промокнут
Франсиско, Мартин и Санчо
до нитки нынче на дальнем ранчо.

Крылом стеклянным прижавшись к ниве,
щебечет в поле пернатый ливень.

Индейцы

Заморосил
предраассветный дождь.
Унял светляк голубую дрожь.

Несут индейцы,
покинув кров,
зарю на зубьях своих серпов.

А пончо сами
красней зари.
Жнецы шагают и косари.

Навстречу жирной
земле снопов
встает под ливнем заря серпов.

А ветер в мокрых
возах везет
колосья песен на обмолот.

Колонна в поле вбивает шаг.
Заря на древках лопат — как флаг.

Улитка

Улитка — лакомый студень,
умытый апрельским ливнем
на лепестковом блюде.

Облита росой алой,
она сервирует поле
в дороге и в час привала.

В погожий день и в ненастье
сосет ее вся деревня,
причмокивая от счастья.

Глодает ее, смакуя,
индеец, сложивши губы,
как будто для поцелуя.

И тает во рту улитка,
и чудится нёбу привкус
и звон ледяного слитка.

Улитка, сестра родная
глотка маисовой водки
и мягкого каравая.

Сестра карамели липкой,
хрустит на зубах, как сахар,
раскушенная улитка.

Земля и лес

Крестьяне с непокрытыми головами
смотрели, как догорает их лес.
Заламывали руки девушки-акации.
Горели в кострах дубы-апостолы.

Матиас сказал: «У нас отнимают землю.
Слышите, плотники-птицы, скоро сюда прилетят
по проводам телеграммы, сошьют себе гнезда из букв.
А в поле встанут столбы-жандармы,
и не будет у нас ни сестры-акации, ни брата-тополя».

Хромоногий Томас опустил на землю лукошко
с лунной ягодой и погрозил
кулаком закату.

И побрели крестьяне в деревню,
молотя цепами по крыльям кровавого неба.
Жены ждали их у порога,
повязав шеи черными платками.

А лес — что же, лес рухнул
со стоном, как падает под ножом теленок.

Даже спустя много дней
красные глаза пожара
заглядывали в окна деревни,
и крестьянам казалось, что хлеб пахнет кровью.

Уборка ячменя

Ячменное поле поспело в срок.
Пропел над полем крестьянский рог.

И семь семей
во семи домах
разлили по кружкам
солнечный сок.

Где в клетчатом пончо к реке прирос
ячменного поля рябой откос,
врубился в охру зеленый цвет,
пролился с неба слепящий свет.

Луца осколки,
лучей снопы
со звоном падали под серпы.

Хуана взвесила цвет небес
на смуглых весах маисовых рук.
А руки ей не спеша слепил
ячменного поля гончарный круг.

Мужчины и женщины — семь семей, —
не чуя под вечер ни рук, ни ног,
уселись в круг и, не торопясь,
из кружек пили солнечный сок.

Бунт

I

Вперед шагали наши отцы.
Их ноги, отягченные памятью,
на ощупь искали брод в стремнине ночи.

Восемьсот жизней. Воля восьмисот человек.
Земля гудела барабаном
под нашими башмаками.

Земля, разбитая на квадраты,
по углам которых сутулится стража.
Земля, разграниченная патрулями
до самой границы горизонта.

Сердца наши бились пульсом теплых зерен,
и наша кровь бродила, как соки в стеблях,
а лоскутья наших проклятий рдели
на древке вольного ветра.

Солдаты, хлюпая кровью,
разбудили зеленый сон поля.

Они надвигались, по горло в темноте,
и зубы их лязгали, вгрызаясь
песней в надраенные пряжки.

Испуганно смотрела пшеница
на их черные руки,
сжимавшие сучья ружей.

А мы, под эскортом спелых колосьев,
кутая плечи в пончо рассвета,
шли им навстречу с мандатом земли.

II

Повсюду солдаты...
Учения в поле?
— Пли по крамоле!

Дым за клубился на горизонте.
Эй, подождите! Слышите? Поздно.
Нас убивают заблаговременно.
Выстрелы — словно дальние звезды.

Мертвыми взглядами целятся ружья,
нашу толпу охватив полукружьем.

Горло от страха вмиг пересохло.
Лица товарищей страх исковеркал.
Надо бы преодолеть пространство
до смертоносного фейерверка...

Нас, включая жен и детей,
восемьсот человек в то утро было.
Мы шли говорить о своей земле,
которая стала нашей могилой.

В нас бился пульс набухавших зерен,
мы пели песни своей долины,
когда на излуче синего ветра
по песне ударили влет карабины.

Раскинув руки, у кромки неба
лежали мы, тоже убитые влет.
И сладкий космос из ран сочился,
и серебрился на лицах пот.

Комментарии

Поэтическое творчество Хорхе Карреры Андраде завоевало в наши дни широкое признание не только в испаноязычном мире, но и за его пределами. Как отмечают исследователи, ведущая тенденция этого творчества во многом совпадает с магистральной линией развития современной латиноамериканской литературы. Эквадорский поэт принадлежит к числу художников слова, сумевших выразить новое, сложившееся к середине XX века мироощущение человека Латинской Америки, который, все острее чувствуя неразрывную связь с действительностью своего континента, с историческими и культурными традициями его народов, вместе с тем впервые осознает себя представителем всего человечества.

За шестьдесят без малого лет Каррера Андраде опубликовал более двадцати поэтических книг, последовательность выхода которых не всегда совпадала с последовательностью их создания. В данном сборнике произведения расположены в том порядке, в каком создавались, — принцип, которого придерживается сам автор в составленной им и остающейся наиболее представительной антологии «Ступени поэзии» (1958). Пять разделов сборника соответствуют основным этапам творческого пути поэта: «Место происхождения» (1920—1929), «Вести с моря и суши» (1930—1936), «Земное жилище» (1937—1950), «Планетарный человек» (1951—1963), «Заря стучится в двери» (1964—1967). В названиях этих разделов, как и сборника в целом, использованы заглавия отдельных книг и поэтических циклов Карреры Андраде.

Советским читателям поэзию Хорхе Карреры Андраде открыл О. Г. Савич. Эссе «От предмета к человеку» было написано им в 1965 году. Переведенные О. Г. Савичем стихи эквадорского поэта положены в основу этой книги.

Подруги прогулки

Бион Смирнский — греческий буколический поэт (II в. до н. э.).

Чудо

Святой Дионисий — христианский великомученик (I в. н. э.). Согласно преданию, будучи обезглавлен, шествовал, держа в руках отрубленную голову.

Письмо Франсису Жамму

Франсис Жамм (1868—1938) — французский поэт, воспевавший жизнь в единстве с природой. В середине 20-х годов латиноамериканские газеты опубликовали ложное сообщение о его смерти, и Каррера Андраде предпослал своему сборнику «Гирлянда молчания» (1926) стихи, посвященные памяти Жамма. «Спустя десять лет, — вспоминает он, — я познакомился с Жаммом в Париже и рассказал ему историю о его мнимой кончине...»

Пять колониальных полотен

Гонсало Писарро (1502—1548) — испанский конкистадор, брат завоевателя Перу Франсиско Писарро, после смерти которого он стал полновластным правителем этой страны.

Обещание реки Гуайяс

Гуайяс — река в Эквадоре, протекающая через город Гуайякиль и впадающая в Тихий океан.

Содержание

Гроза. <i>Перевод О. Савича</i>	13
Деревня. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	14
Философия дыма. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	16
Дверь, распахнутая в деревья. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	18
Подруги прогулки. <i>Перевод О. Савича</i>	19
Ночное пенье. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	21
Чудо. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	22
Письмо Франсису Жамму. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	24
Стенной шкаф. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	26
Плохое настроение. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	28
Ветренный ветер. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	29
Ребячий декабрь. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	31
Распятие. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	32
Женщина летом. <i>Перевод О. Савича</i>	33
Вечерний праздник. <i>Перевод О. Савича</i>	34
Тетушка Исолина. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	36
Кожаный сундук. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	37
Книга нежности. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	38
Время озаренных окон. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	39
Сигналы. <i>Перевод О. Савича</i>	40
Часы. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	42

Лестница. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	43
Ровно час ночи. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	44
Пять колониальных полотен. <i>Перевод О. Савича</i>	
I. Постоялый двор	45
II. Экспедиция в страну Корицы	46
III. Вечнозеленый Кито	46
IV. Агава	47
V. Портрет испанца Сантьяго Карреры	48
Весна и компания. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	49
Апрель — водяной хмель. <i>Перевод О. Савича</i>	51
Жизнь кузнечика. <i>Перевод О. Савича</i>	52
Утренние новости. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	53
Твоя любовь что кожа яблок. <i>Перевод О. Савича</i>	54
Жизненное совершенство. <i>Перевод О. Савича</i>	55
Песня о яблоке. <i>Перевод О. Савича</i>	57
В горах. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	58
Песня о Черном Континенте. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	60
Песенка про пугало. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	61
Сезон ласточек. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	63
Петух над часовней. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	67
Тополиная аллея. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	69
Колокольня Мерсед. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	71
Дерево какао. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	73
Обещание реки Гуайяс. <i>Перевод О. Савича</i>	74
Погода. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	77
Гидрографическая поэма. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	78
Воскресенье. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	80
Горное селение. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	82
Индейцы. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	83
Улитка. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	84
Земля и лес. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	86
Уборка ячменя. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	88
Бунт. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	90